

Сергей ЗЕЛЬДИН

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Жил в г. Волжском, с 1974 года в Житомире (Украина). Публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег», «Слово\Word», в «Волге» публиковались рассказы (2017, № 7-8; 2018, № 5-6).

РАССКАЗЫ

Лузеры

Дела были плохие.

Дела были такие: Сергея Палыча зарплата – 2500 на руки; Наташа получала за няню 2000; теткина пенсия была 1700; итого 6200.

За квартиру пришло 4500, а не 3700, как раньше; за лекарства на троих, самые неотложные, выходило 600; за два мобильных телефона вынь да положь 100; сигареты для Сергея Палыча – 150; за кабельное – 70; журнал «Ярмарка кроссвордов» для тетки – 17. Итого: 5437 гривен. Таковы были дела, такой дебет-кредит.

Конечно, и сигареты, и «Ярмарка кроссвордов», и кабельное телевидение были элементами роскоши, но без них было нельзя.

«Что тогда за жизнь!» – говорила тетка, в молодости секретарь небольшой партийной организации.

Таким образом, на еду оставалось 763 гривны, или по 254 гривны 55 копеек на человека в месяц, или по 63 гривны 64 копейки на человека в неделю.

Этого было маловато.

Хлеб стоил тринадцать гривен за буханку черного, а постное масло двадцать семь за один литр. Куриные задницы, ароматные и жирные, стоили двадцать четыре девяносто за килограмм и тоже превращались в недоступное лакомство наряду с тюлькой и совсем уже заоблачными яйцами.

Сергей Палыч, как единственный мужчина в доме, призадумался. Хотя с тех пор, как ему вырезали щитовидку, сердце стучало меньше, все же дожить до пенсии, которая теперь по новому закону отодвинулась в туманную даль, он не очень рассчитывал.

О другой работе, поденжнее, чем у него, он и не мечтал, видя, сколько молодых хлопцев ищут ее по городу.

Он и за свои-то «сутки-трое» трепетал, ожидая каждый месяц, что директор Михайло Петрович возьмет на его место кого-то другого, помоложе и потолковее, а ему даст от ворот поворот. Он и так однажды сказал: «Ну ты, интилигэнт, смотри, вылетишь у меня как пробка из шампанского!»

Был, правда, сынок Костя. Костя ездил в Польшу на клубнику, жил у тещи и, более или менее, не дул себе в ус. Но помогать родителям он не мог, потому что имел собственную семью и у него подрастал крошечный бутуз Любомирчик, прелестный как ангелок.

Вечером собрались в кухне на военный совет.

– Хоть ложись да подыхай! – сразу врезала правду-матку старуха тетка, кутаясь в лысый оренбургский платок.

– И не вздумай! – испугалась Наталья. – Без твоей пенсии совсем труба!

– И без вашей божественной консервации! – льстиво вставил Сергей Палыч.

Синим цветочком горел газ в конфорке. Натка поморщилась.

– Что, вступило? – сочувственно спросил Сергей Палыч.

Время от времени у жены обострялась желчекаменная, особенно когда она переживала.

– Ладно, – сказала тетка, – не дрейфьте. Позвоню нашим.

– Удобно ли, тетя... – застеснялся Сергей Палыч.

– Ничего, корона не свалится, – сказала тетка. – В Ленинград Ольге звонили летом, значит, теперь в Майкоп, Ваньке. Много не пришлет, но чего сможет, вышлет. Давай.

Сергей Палыч сбегал за телефоном, нашел в нем «Россия, Иван», нажал и подал тетке.

Тетка, держа телефон двумя пальцами, как что-то дохлое, пошла к себе и закрылась.

Наталья пошла и легла.

Сергеем Палычем овладело тревожное ожидание.

Зимние праздники

Гости, радостно галдя, обувались в прихожей.

– Эй, Бубка Гоп! – воскликнул хозяин. – Ообрази-ко!

Хозяйский Сашка залез на табуретку, стал в позу и продекламировал:

Если вас ударить в глаз,
Вы невольно вскрикнете!
Раз ударь, другой ударь,
А затем привыкнете!

Гости разразились хохотом и аплодисментами.

– Растет сынок! – умиленно сказал папа.

Ипполит Сергеевич шел домой и всю дорогу думал о том, что у него нет ни жены, ни детей, и никогда не будет такого молодчаги Сашки.

Старый Новый год Ипполит Сергеевич праздновал со своей теткой Надеждой.

Тетка была странным человеком и все свои семьдесят два года с каким-то злобным иступлением проносила венец безбрачия.

Впрочем, он помнил только одного ее ухажера, тихого лысого старичка без квартиры.

Племянник с теткой кушали торт, пили чай и смотрели передачу «Былые имена» о Розе Рымбаевой.

В дверь позвонили.

– Не открывай! – сказала тетка. – Это, наверное, колядовщики проклятые!

Но Ипполит Сергеевич сходил и открыл дверь – он считал, что колядки приносят счастье.

На пороге стояли два мальчика и одна девочка.

– Дозвольте покалядовать! – сказала девочка.

– Пожалуйста, пожалуйста! – сказал Ипполит Сергеевич.

Сию, вию, посиваю,
З Новым роком поздравляю!
Коляд, коляд, коляда,
Дайте, дядьку, пятака!

– сказали детки хором и выжидающе замолчали.

– Все? – спросил Ипполит Сергеевич.

– Все, – сказала девочка.

Тетка хмыкнула. Она осталась сторожить дверь, а Ипполит Сергеевич сходил, взял в кошельке пять гривен и подал колядовщикам.

Тетка захлопнула дверь, и они слышали, как дети, спускаясь вниз по лестнице, матерно ругались.

Тетка ушла к себе домой, а Ипполит Сергеевич сидел и смотрел на остатки торта глазами, полными слез: неожиданная мысль поразила его: «Еще пара-тройка тортов и – все?..» Ипполит Сергеевич вздрогнул: «А чемпионатов мира по футболу – один? два? – и все, отболелись?!..»

Неизвестно почему он переживал за Мундиали – болельщиком он не был, футбола не смотрел, а любил смотреть бокс и бои без правил.

Тетка, та вообще была без ума от «мордобоя» и смотрела бы его день и ночь.

Туман

Было очень рано и темно, когда я вышел из дому на двор, к тому же был сильный туман. Хотя был ноябрь, было тепло.

Я глядел под ноги и брел через двор, принимая лужи за ямы.

В одной руке я держал тормозок¹, а в другой пакет с мусором. Он стоял у порога неммым укором.

Я бы не сразу нашел мусорный бак, если бы над ним не затеплился призрачный свет, как огонек на болоте. Я никогда не видел болотных огоньков, но я могу себе представить.

Горел призрачный огонек мобилки, и бомж тихо покашливал, роясь в мусоре.

Еще несколько лет назад я застеснялся бы перед этим бедным человеком, пошел бы со своим пакетом дальше и выкинул его в соседнем дворе, а если бы и там другой бедный человек рылся в мусорке, то понес бы до самого вокзала и там бы поставил возле переполненной урны, хотя собаки и распотрошили бы его в момент. А теперь я уже не стесняюсь, да и бомж сейчас уже не босоногий юродивый, бомж пошел сейчас сытый, обихоженный, опрятно и тепло одетый, а ездит он на велосипеде. Так что я положил свой пакет чуть ли не ему в руки и пошел дальше. Кажется, мы даже раскланялись.

В тумане, в пустынных привокзальных переулках я думал о том, что бы я стал делать, если бы стал бомжом?

Конечно, каждый человек исключает для себя такую возможность, а по-моему, чего только в жизни не бывает: сегодня ты могучий Крез, а завтра валяешься во прахе у ног персидского Кира, мало ли...

Но я не смог бы быть бомжом, кишка тонка. Я слишком слаб для этого. Я слюнтяй с пониженной приспособляемостью к жизни. Сильно нервный. Скорее бы сдох – экий болван!

Но тут нечего жалеть, что тебе не дано быть бомжом – это или есть, или нет, как и любой другой талант или способность.

Все нервные типы – ошибка природы. Бунин в «Жизни Арсеньева» описал, как благородный юноша спросил у чиновника-бомжа, потерявшего облик и просившего на водку: «Ах, как же вы можете так жить? Ведь это ужасно!» – «Ничего ужасного, сударь, – ответил тот. – Ровно ничего!»

Бунин тоже не смог бы бомжевать – поэт, эстет, Нобеля получил – короче, степной помещик. Хотя сколько графьев и князьев с упоением бомжевали – только держись! –

¹ Пакет с едой, собранный на работу (сленг).

почитайте у Гиляровского. Дело не в социальном положении, а в русской тяге к мазохизму.

Хороший писатель Бунин. Классный. Странно все-таки получается – ну разве он хуже Чехова? Нет ведь, но перед Чеховым преклоняются все, а перед Буниным почти никто. Несправедливо это.

Он был крестным отцом в литературе у Катаева-гимназиста. Они сидели рядышком на крыльце бунинской дачи на Фонтанах и ели компот из блюдечка, честно поделив сливы. Бунин зашел к Катаевым и в беседе с папашей учил его, как стирать носки в холодной воде.

Короче, крестный отец. А Катаев вместо спасибо взял и описал сцену, где Бунин умирает на чужбине как собака, вдалеке от Советской родины, а в углу комнатенки якобы пылится стопка «Темных аллея». Брехня, наверное. А Ильф и Петров в одном фельетоне издевались над его буржуйской Нобелевской премией. А в Голливуде сняли фильм о Бунине в Париже – он там трахает все, что шевелится, прямо какой-то Генри Миллер из «Тропика Козерога».

Ну, все-таки... Голливуд... Хотя что-то сняли. Но все это, конечно, туфта. Сейчас вся сила в сериалах – пустили по телевизору «Идиота», и пораженная публика побежала покупать Достоевского, раскупили все, даже дорогие подарочные издания. Так что, может, у Бунина все еще впереди.

Катаев мне тоже нравится – «Волшебный рог Оберона» – ой-ей-ей! – высокий класс! А «Время, вперед!»? Этот роман-хроника прекрасен даже не потому, что выполнен так мастерски, а вообще. Приятно думать, где писались эти «взвейтесь!» да «даешь!». Если кто не знает, там у него описано соцсоревнование на бетономешалках. А писалось про эти рекордные замесы в Париже, в кафе «Куполь», куда Катаев, видимо, прибыл за творческим вдохновением – на салфетках, картах вин и на пустых пачках сигарет «Галуаз».

Я вообще люблю одесситов – Катаева, Бабеля, Паустовского – за их цинизм небожителей, за то, что они плевали на обстоятельства, предложенные жизнью. Веселые полубоги: хотите – Бенья Крик, а не хотите – «Рассказы об Ильиче».

Другие, северяне, те тяжелее переносили Советскую власть, мучились, рефлексировали – Булгаков, Зощенко, Хармс, Блок. Нашли из-за чего расстраиваться – из-за Советской власти! Вы же писатели, творцы высшей реальности! Вы больше и главнее любой власти! Конечно, нужно было еще иметь громадный талант, чтобы не унижаться или не наступать...

Тумана не стало меньше, но уже светает, и я уже возле вокзала, на остановке. И вскоре еду в маршрутке на работу. Я сижу у окна – значит, день будет хорошим. Я стал суеверным, вечно говорю: «Если только доживу» или: «Еще дожить надо», – а мне говорят: «Да доживешь, куда ты денешься!» – а я говорю: «Ну, мало ли куда можно деться».

Я смотрю в окно на туман и вспоминаю великие встречи: Зощенко с Ильфом и Петровым в гостинице у Кольцова; Ахматовой и Цветаевой, на кухне у Ардова, то, се. А Пушкин и Лермонтов так и не встретились, что, конечно, странно. И знали друг о друге, и ценили, и уважали как ровню. Может, потому и не встретились, что подсознательно избегали друг друга? Наверное, думали: «Двум гениям в одном салоне...» А теперь кто их разберет?..

Приехали, вылезай.

Я выхожу на конечной и опять бреду в тумане, таком густом, что вообще ни хрена не видать. Здесь у нас низина, а на дне низины озеро. Летом в нем замечательно искупнуться ранним утром после работы – уточки в камышах, рыбаки как изваяния, вода чистая, теплая – очень славно, зеер гут! А сейчас в той стороне что-то клубится, похожее на Солярис. «Кстати о Солярисе, – думаю я, – не перечитать ли? Он у меня как раз на

работе есть». Эх, Станислав Лем, Станислав Лем! Это же что-то такое... ого-го-го! – колоссаль!

Вообще поляки великая нация – куда ни кинься, везде поляк: Гоголь с Достоевским – русские гении, Ницше – немецкий, а приглядишься, копнешь – поляк на поляке.